

UNITED WISDOM

Пирроновский скепсис: воздержание от суждения

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-17-N04 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Пирроновский скепсис: воздержание от суждения

Можно оставить вопрос открытым и всё же остаться участником происходящего.

United Wisdom · Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

Эпиграф

> *«Продолжающие искать — скептики».*
>
> *Секст Эмпирик, «Пирроновы положения», I.3. Перевод для этой статьи по английскому переводу Mary Mills Patrick, 1899.*

О чём эта статья

В споре часто требуют определиться раньше, чем появляется основание для ответа. Два обрезанных снимка переписки, несколько уверенных голосов — и уже нужно назвать виновного, выбрать сторону, объяснить чужое намерение. Отказ от немедленного вердикта выглядит подозрительно: будто человек уклоняется от участия. Но участие и окончательный вывод не всегда требуют одного и того же знания.

Пирроновский скепсис исследует возможность воздержаться от суждения, когда противоположные основания не позволяют предпочесть одно другому. В изложении Секста Эмпирика это не убеждение, что истины нет, и не предложение закрыть глаза на ощущения. Это трудный способ продолжать исследование, не превращая нынешнюю невозможность решить вопрос в устройство всего мира. Мы рассмотрим, как он различает явление и утверждение, почему не обязан прекращать обычную жизнь и где его нельзя переносить в современную ситуацию без оговорок. Отдельно остаётся вопрос ответственности: незнание чужого мотива не освобождает от внимания к последствиям поступка.

I. Как готовый ответ становится условием участия

Представим условную сцену. В общий чат приходит запись ссоры. Видно несколько строк; начало разговора отсутствует. Один участник пишет, что всё давно понятно. Другой требует не защищать очевидного виновника. Третий вспоминает похожий случай. Через несколько минут рассказ о событии становится испытанием для тех, кто его читает: правильный человек должен немедленно почувствовать правильное возмущение.

В самой записи могут содержаться существенные сведения. Чья-то фраза действительно груба; обещание действительно нарушено. Но отсюда ещё не следует, что известна вся последовательность, понятен мотив и восстановлена история отношений. Несколько разных выводов собираются в один пакет. Согласиться с одним предлагают только вместе со всеми остальными.

Так работает давление законченного сюжета: роли, причина, моральная оценка и ожидаемое действие уже распределены. Вопрос о том, что подтверждено, кажется задержкой там, где коллектив движется к развязке.

Воздержание начинается с отказа покупать весь пакет сразу. Можно признать, что опубликованные слова причиняют боль, и не знать, почему они были сказаны. Можно предложить прекратить публичное унижение и не объявлять одного участника безупречным во всей истории. Можно не распространять запись, пока не ясны её происхождение и полнота. Каждое из этих действий имеет собственное основание.

Этот современный пример не является случаем из античного трактата. Он показывает вопрос, ради которого к трактату стоит обратиться: обязано ли наше действие сопровождаться полным объяснением реальности? Иногда именно требование полного объяснения заставляет утверждать больше, чем известно.

Есть и обратная ловушка. Осторожность легко сыграть как превосходство над всеми, кто уже выбрал. Но высокомерное недоверие не становится исследованием от своей сдержанной интонации. Если человек не читает доступное, не задаёт уточняющего вопроса и заранее считает любой ответ наивным, открытый вопрос превращается в закрытую позу.

Поэтому существенна работа, которая остаётся после отказа от вердикта. Что именно мы ещё не знаем? Какие сведения способны изменить оценку? Какой вывод уже поддержан, а какой лишь присоединён к нему? Пауза получает смысл благодаря этим вопросам. Само промедление ещё ничего не доказывает.

II. Пиррон и образ человека, который ничего не решает

Название школы связано с Пирроном из Элиды, жившим в IV–III веках до нашей эры. Однако пирроновский скепсис нельзя читать как стенограмму его собственных слов. Пиррон не оставил сочинений; свидетельства о нём и более поздние формы скепсиса требуют различения. Katja Vogt, «Ancient Skepticism», §4.1.

Хороший пример этой трудности даёт Диоген Лаэртский, IX.62. Он передаёт рассказ о Пирроне, не избегавшем повозок, обрывов и собак, так что о его безопасности заботились друзья. В том же месте приведено другое свидетельство: Энесидем

утверждал, что Пиррон не был лишён предусмотрительности в повседневных действиях. Сам источник сохраняет расхождение.

Первый рассказ легко превратить в карикатуру: скептик сомневается в существовании опасности и потому идёт под колёса. Но такая карикатура уже выбирает одну версию и забывает другую. Древнее жизнеописание не становится надёжной записью поведения только от того, что его герой кажется подходящим для нашей мысли.

Главная опора этой статьи — более позднее изложение Секста Эмпирика, жившего, вероятно, во II или III веке нашей эры. Его «Пирроновы положения» описывают скептический способ рассуждать; точные даты его жизни остаются неопределёнными. Benjamin Morison, «Sextus Empiricus», §§1–2.

Уже расстояние между этими фигурами предостерегает от удобного единственного голоса древности. Имя Пиррона, рассказы о его жизни и аргументы Секста — связанные, но не тождественные основания. Когда речь пойдёт о воздержании от суждения, мы будем опираться на конкретный текст Секста, а не приписывать каждое положение лично Пиррону.

Такое различение само участвует в теме статьи. История философии тоже способна выдавать уверенный ответ раньше свидетельств. Можно установить, что рассказ существовал, и ещё не установить, что событие произошло именно так. Источник сообщает не только сведения: иногда он показывает предел того, что мы вправе восстановить.

Это оставляет читателю более интересного собеседника, чем безупречный мудрец или смешной отрицатель очевидного. Мы встречаем способ исследования, который можно проверить, а не характер, которому необходимо либо подражать, либо смеяться вслед.

III. Отрицание тоже может стать догмой

В начале «Пирроновых положений», I.1–4, Секст различает тех, кто считает истину найденной, тех, кто объявляет её недостижимой, и тех, кто продолжает искать. Это его схема философских позиций; её не следует принимать за беспристрастное описание всех академических скептиков. Для нашей темы важен сам третий вариант.

Между признанием недостатка оснований и заявлением о невозможности знания лежит большой переход. Чтобы сказать, что конкретное расследование не дало ответа, достаточно знать его нынешний результат. Чтобы сказать, что ответа не может быть вообще, нужно обосновать гораздо более сильное положение. Неудача поиска сама такого обоснования не предоставляет.

Секст определяет скепсис как способность противопоставлять то, что является, и то, что мыслится. Скептик рассматривает доводы, находит встречные и исследует их убедительность. Когда противопоставленные основания выглядят равносильными, возникает эпохе — приостановка утверждения и отрицания в исследуемом вопросе. Так устроена последовательность в I.8–10. Простая нехватка сведений ещё не показывает всей этой работы.

Слово «догма» здесь тоже требует пояснения. В I.13 Секст различает вынужденное согласие с переживаемым и принятие положения о неочевидном предмете философского исследования. Скептик не обязан отрицать, что ему холодно. Но утверждение о том, что вещь представляет собой по природе, ставит другой вопрос. «Догматик» в этом споре — обозначение философской позиции, а не оскорбительное имя самоуверенного человека.

Принятое отрицание было бы таким же определённым ответом, как принятое утверждение. Если скептик ищет довод против положения, это ещё не означает, что он делает этот довод собственным учением. Сменить сторону — не то же самое, что воздержаться от выбора между сторонами.

Возьмём условное высказывание: человек не верит ни одному рассказу о человеческой бескорыстности. Всякая помощь заранее получает объяснение скрытой выгодой. Это может выглядеть трезво, особенно рядом с доверчивостью. Однако невозможность обнаружить бескорыстный поступок здесь обеспечена правилом: любое действие будет переописано так, чтобы его исключить. Недоверие уже знает ответ до встречи с обстоятельствами.

Можно иначе рассмотреть определённый поступок. Известно, что человек помог; неизвестно, чего он ожидал; некоторые его дальнейшие действия дают основания предполагать интерес. Такая картина допускает уточнение. В ней осторожность не уничтожает различий между подтверждённым, вероятным и невыясненным.

Это авторское применение, а не учение Секста о социальных мотивах. Оно позволяет заметить, что отрицательная уверенность тоже нуждается в проверке. Фраза «всем верить опасно» сама по себе не доказывает фразу «никому нельзя верить». Между ними остаются конкретные люди, конкретные сведения и разные основания доверия.

Открытость в таком смысле требует допускать, что новое свидетельство изменит наш ответ. Иначе сомнение лишь охраняет уже принятое решение.

IV. Мёд не теряет сладости от философского вопроса

Один из самых ясных примеров Секста касается мёда. В I.19–20 скептик не отрицает ощущаемую сладость; исследуется утверждение, что мёд сладок по своей природе. Переживаемое явление и утверждение о том, что вещь представляет собой по природе, различаются. Чтобы удержать вопрос, не требуется притворяться, будто ощущение исчезло.

Эта граница существенна для человеческого опыта. Представим разговор, после которого человеку больно. Признание боли не устанавливает намерение собеседника, полную причину реакции или будущее отношений. Но незнание этих вещей также не отменяет боли. Вопрос о толковании не должен превращаться в требование отрицать то, что переживается.

Здесь нет готовой античной психотерапии. Мы предлагаем современное различение: описание состояния и объяснение его происхождения выполняют разные задачи. Можно сказать, что фраза была услышана как унизительная, и затем исследовать контекст. Необязательно сразу выбирать между безусловной виновностью другого и обвинением себя в неправильном восприятии.

При этом видимость не является непогрешимой записью внешнего мира. Вспомнив разговор позже, человек может перепутать слова; запись может уточнить последовательность; собеседник — объяснить свой замысел. Сохранение переживания не запрещает исправлять реконструкцию события. Оно лишь не позволяет выдать исправление одного уровня за исчезновение всех остальных.

Скептическое внимание меняет форму вопроса. Вместо поспешного перехода от ощущения к утверждению о природе вещи можно заметить: вот что кажется мне сейчас; вот что я утверждаю об обстоятельствах; вот чего эти сведения ещё не доказывают. Эти три строки не обязаны совпадать.

Но и такую схему нельзя сделать новым безошибочным прибором. Мы не всегда умеем аккуратно описать своё состояние, а фраза о том, что нечто кажется, может скрывать вполне определённое обвинение. Осторожные слова не заменяют честности содержания. Иногда человеку нужно уточнить, что именно он вкладывает в своё описание.

Польза различения в том, что оно оставляет место обоим движениям: признать происходящее с нами и продолжить исследовать, что произошло между нами. Для этого не требуется ни окончательная теория чувств, ни отказ чувствовать.

V. Как работает противопоставление

В I.31–32 Секст показывает ход, который позволяет увидеть больше, чем совет не спешить. Один рассуждающий выводит существование провидения из порядка небес. Скептик противопоставляет этому довод: достойным людям выпадают несчастья, а дурным — благополучие. Если мир управляется благим попечением, почему распределение событий выглядит таким?

Здесь мы пересказываем философский пример Секста, а не сообщаем установленное объяснение мира. Первый довод связывает порядок с провидением. Второй ставит под вопрос эту связь, обращаясь к тому, что происходит с людьми. Отрицательный вывод служит встречным доводом; скептик не обязан принимать его как собственную веру. Его работа — исследовать, удаётся ли предпочесть один ход другому.

Сторонник провидения может предложить ответ: видимый порядок бедствий не раскрывает всего замысла. Тогда возникает следующий вопрос — что даёт этому ответу преимущество? Если неизвестный замысел вводится именно для спасения первоначального вывода, его нельзя считать уже установленным основанием. Отрицание также нуждается в проверке: предполагает ли оно, что всякое провидение должно распределять благополучие так, как ожидает рассуждающий? Это наше пояснение возможного продолжения спора, а не дополнительная цитата Секста.

Воздержание возникает там, где в проведённом исследовании противопоставленные основания выглядят равносильными — isostheneia. В I.8–10 и 196 Секст описывает отсутствие преимущества по убедительности и сообщение о том, как основания представляются сейчас. Он не предлагает сначала объявить любые два мнения равноценными, а затем назвать это скепсисом.

Поэтому ни наличие возражения, ни одинаковый объём двух выступлений ещё не устанавливают равносилия. Между построением встречного довода и получением равносилия остаётся исследование. Сам Секст в I.34 допускает, что ответ на пока сильный довод ещё может быть найден; незавершённость поиска не превращается в утверждение о вечной неразрешимости вопроса.

Теперь можно точнее вернуться к современной проверке сведений. В условном споре о встрече запись и подтверждения участников нельзя уравнять с ничем не подкреплённой репликой, что запись, возможно, подделана. Это наша норма оценки конкретных свидетельств, а не готовое правило, выведенное из всей философии Секста. Разумная осторожность здесь сравнивает основания и допускает результат проверки. Пирроновский вызов идёт дальше: он спрашивает также о том, что позволяет считать сам критерий выбора установленным.

VI. Пять способов спросить об основании

В I.164–169 Секст перечисляет пять тропов: рассогласование, бесконечное продолжение обоснования, относительность, допущение и круг в доказательстве. Троп здесь — способ поставить под вопрос основание утверждения. Их традиционно связывают с Агриппой, хотя сам Секст говорит о более поздних скептиках. Vogt, «Ancient Skepticism», §4.3. В I.170–177 он показывает, как эти ходы работают совместно.

Начнём с расхождения: одни доверяют чувственному восприятию как пути к истине, другие — рассуждению, третьи допускают оба. За этой схемой стоит вопрос, как установить, что предмет действительно таков, каким его представляет выбранный способ познания. Расхождение ещё не доказывает, что все ответы равно хороши. Но уверенность одной стороны сама не разрешает спор.

Предложим проверить восприятие другим восприятием. Например, одно наблюдение подтверждает другое. Для обычной задачи это может быть полезно. Однако теперь проверяется надёжность чувственного пути как основания истины. Чем установлена надёжность подтверждающего наблюдения? Если ещё одним чувственным свидетельством, оно снова требует такой же проверки. Возникает бесконечное продолжение обоснования: каждое звено опирается на следующее, а установленного начала пока нет.

Можно обратиться к рассуждению: восприятие надёжно, потому что это доказано разумом. Но надёжность рассуждения также оспаривается. Если её подтвердить чувственным опытом, получится круг: опыт оправдывает разум, а разум — опыт. Если же каждое рассуждение проверять новым рассуждением, повторяется бесконечная цепочка. Это пересказ конструкции Секста из I.171–172; конкретная проверка наблюдения служит поясняющим примером.

Остаётся остановить цепочку исходным допущением: этот способ познания принимается как надёжный без дальнейшего доказательства. Именно здесь действует троп допущения. Скептик спрашивает, почему такое начало должно быть принято, если противоположное начало ещё не исключено. Само решение остановиться не даёт ему преимущества перед соперником. В I.173–174 Секст направляет этот вопрос к собеседнику, который рассчитывает решить спор недоказанной предпосылкой.

Троп относительности добавляет другую трудность. Предмет является в отношении к воспринимающему и сопутствующим обстоятельствам; даже рассуждение представлено через определённого мыслящего. Переход от такого явления к утверждению о природе вещи требует основания. Указать условия восприятия полезно, но для Секста вопрос этим не заканчивается: как выбрать условия, которые удостоверяют саму природу вещи?

Так пять тропов образуют связанную проверку. Неразрешённое расхождение ведёт к поиску критерия; предложенный критерий — к вопросу о его основании; ответы могут возвращать к цепочке, кругу или допущению. Пока предпочтение не установлено, скептик воздерживается. Это изложение хода аргумента, а не наше доказательство, что любое знание невозможно. Секст продолжает исследование, включая проверку собственных формул.

Отсюда видна разница с повседневной осторожностью. Человек может принять исходную предпосылку, проверить следствия и решить задачу, оставаясь готовым к пересмотру. Такой выбор часто необходим, но он ещё не отвечает на весь пирроновский вызов. Чтобы взять из него практический вопрос, достаточно спросить: на каком основании стоит решение и что именно мы считаем установленным? Назвать рабочую опору можно, не объявляя её окончательным фундаментом знания.

VII. Может ли незавершённость дать спокойствие

Секст связывает воздержание с атараксией — ataraxia, невозмутимостью в вопросах мнения. В I.25–30 он рассказывает, что спокойствие пришло к скептикам неожиданно. Они искали его через разрешение разногласий, но получили после невозможности предпочесть один ответ. Это философское описание, а не результат испытания на современных участниках.

Однако связь не сводится к облегчению от того, что спор наконец прекратился. В I.27–28 Секст рассматривает убеждение, что нечто хорошо или плохо по природе. Человек, принимающий это положение, стремится получить то, что считает безусловным благом, боится лишиться приобретённого и мучается от присутствия того, что считает безусловным злом. К самому происходящему присоединяется суждение о его окончательной ценности. Воздержание касается и этого суждения.

В I.29–30 Секст различает неизбежное переживание и добавленное к нему мнение. Холод или жажда остаются; мысль, что переживаемое — зло само по себе, не обязана добавлять к ним второе беспокойство. Поэтому его описание цели имеет две части: невозмутимость в вопросах мнения и умеренность переживания в том, что приходит по необходимости. Это не требование считать любое событие приятным или перестать замечать страдание.

В том же месте приведён рассказ о художнике Апеллесе. Тот не мог изобразить пену у рта лошади, бросил в картину губку, и случайный след дал нужное изображение. У Секста рассказ объясняет непрямой путь к спокойствию. Он не доказывает, что отказ от усилия вообще приводит к хорошему результату.

Современное приложение может быть скромнее. Человек перечитывает разговор, пытаясь установить, что случившееся окончательно говорит о нём самом и о другом. Разбор события превращается в поиск приговора всему существованию. Можно заметить этот переход и проверить, что добавлено к известным обстоятельствам. Такое внимание требует усилия: привычная версия уже обещает определённость и призывает защищать её.

В этом ограниченном смысле мы предлагаем дисциплину внимания к собственному суждению. Историческое описание атараксии не подтверждает, что такая работа автоматически успокоит человека или устранит агрессию. Незнание бывает мучительным, последствия события сохраняются, а чувство облегчения может возникнуть и от ухода от неприятных сведений. Оно само не удостоверяет правильность вывода.

Открытый вопрос позволяет не добавлять к нынешнему переживанию требование немедленно объяснить весь мир. Можно закончить сегодняшнюю проверку и определить, при каких новых сведениях к ней вернуться. При этом остаётся важное различие: философский довод Секста о мнении и наша организация повседневного внимания выполняют разные задачи.

VIII. Жить без окончательной теории жизни

На возражение о невозможности действия Секст отвечает описанием повседневной жизни. В I.21–24 он называет ощущения и мышление, вынужденные состояния, обычаи и законы, обучение искусствам. Голод ведёт к еде; освоенный навык позволяет работать. Философское воздержание не означает, что всё это прекращается.

Но вопрос об убеждениях скептика остаётся спорным. Как именно можно действовать, не принимая положения за истинные, и какие обычные убеждения допускает Секст? Исследователи отвечают по-разному. Morison, «Sextus Empiricus», §3.4. Превратить эту трудность в простой современный совет означало бы скрыть часть проблемы.

Другой путь показывает Декарт. В первом и втором «Размышлениях о первой философии» сомнение направлено к поиску несомненного основания; во втором размышлении обнаруживается достоверность собственного существования во время мышления. Поэтому одинаковое движение отказа от прежней уверенности не делает декартовскую задачу и пирроновскую задачу одной философией.

Со стоическим вниманием к суждениям также нужна осторожность. Эпиктет, «Энхиридион», §§1 и 5, связывает действие с различением зависящего от нас и с оценками происходящего. Стоическое рассуждение предполагает определённое понимание должного отношения к миру. У Секста вопрос касается также того, на чём

такое понимание вправе стоять. Сходство некоторых вопросов не устраняет расхождения ответов.

Другую связь можно исследовать с мадхьямакой Нагарджуны, буддийского мыслителя II–III веков нашей эры. Его критика самобытия — свабхавы — рассматривает притязание вещей на независимое, собственное основание существования. Сопоставление с Секстом интересно там, где оба подхода исследуют основания утверждений и возможность пользоваться обычной речью без окончательной фиксации природы вещей. Но воздержание от суждения и буддийское исследование пустоты нельзя считать одним ответом. Пустота у Нагарджуны связана с особым философским содержанием и целью освобождения в буддийской практике. Jan Westerhoff, «Nāgārjuna», §§1–2.

Различение двух истин в мадхьямаке также не является другим названием различения явления и утверждения у Секста. Его смысл обсуждается внутри самой буддийской традиции; расходятся и способы аргументировать собственную позицию. Поэтому мы обозначаем ограниченную связь вопросов, сохраняя различия методов и целей. Сходство не устанавливает исторического заимствования и не превращает одну школу в обязательную подготовку к другой. Richard Hayes, «Madhyamaka», §§1, 4–5.

Современному читателю необязательно полностью становиться пирронистом, чтобы серьёзно рассмотреть этот вызов. Можно принять более ограниченную авторскую возможность: действовать по достаточным для ситуации основаниям, сохраняя пересматриваемость объяснения. Это уже собственный выбор, а не буквальная реконструкция жизни по Сексту.

К примеру, для выполнения обещания не нужно сначала выяснить окончательную природу справедливости. Можно знать, что другой рассчитывает на согласованное действие, понимать собственные возможности и уточнить условия. При этом философский вопрос о справедливости сохраняется. Разные уровни работы не обязаны завершаться одновременно.

У такого выбора есть цена: мы принимаем ответственность за действие, не прикрываясь абсолютной гарантией. И ещё одна: наш обычай может оказаться плохим. Следование привычной жизни не освобождает её от критики. Если правило причиняет вред, его привычность сама по себе не решает вопроса о том, стоит ли его сохранять.

IX. Что это значит на практике

Вернёмся к записи ссоры. Мы можем по-прежнему не знать, что было до неё, зачем человек произнёс определённую фразу и кто прав во всей истории. Но теперь неизвестное можно назвать точнее. Оно не обязано охватывать всё происходящее только потому, что одна часть остаётся неясной.

Полезно раздельно сформулировать имеющиеся сведения, вывод и доступное действие. Видна опубликованная фраза. Полная последовательность неизвестна. Распространять неполный материал дальше мы не готовы. Эти положения могут сосуществовать без тайного решения всей истории. Иногда участие состоит именно в том, чтобы не увеличивать ущерб скоростью собственного вердикта.

Если необходимо решить вопрос сегодня, нужно также определить цену ожидания. Пауза, приемлемая для чтения спора, может оказаться неприемлемой там, где требуется выполнить обязанность или остановить наблюдаемое причинение вреда. Неизвестность мотива не делает само действие невидимым. Можно обратиться к тому, что происходит, не объявляя себя знатоком чужой души.

Поэтому воздержание от широкого приговора нельзя использовать как универсальное оправдание безучастия. Это авторская граница современного применения. В ситуации реальной опасности не требуется завершать метафизическое исследование, прежде чем выбрать доступную защиту. В то же время меры и обвинения имеют последствия: их тоже следует соотносить с тем, что подтверждено.

Для вопроса, который остаётся открытым, можно определить повод вернуться: появится полная запись, ответ участника, новое свидетельство. Если никаких новых сведений не ожидается, важно увидеть, что именно продолжается — поиск или повторение прежних мыслей. Отказ снова прокручивать одинаковое не устанавливает истину; он устанавливает предел сегодняшней работы.

Такая практика не гарантирует спокойствия и не превращает осторожность в добродетель при любых обстоятельствах. Иногда мы ошибёмся, потому что решили рано. Иногда — потому что ждали слишком долго. Честное отношение к неизвестному включает возможность оценить последствия своего выбора и пересмотреть его.

В итоге скептический вопрос касается не только чужих утверждений. Он касается нашей потребности, чтобы в каждом разговоре уже находился полный мир: окончательный характер человека, смысл события, предсказанное будущее. Для общения иногда достаточно меньшего — понять, что произошло сейчас, и не присоединять к этому всё, что пока не проверено.

Экран можно погасить без последнего слова. Участники спора остаются людьми, а не завершёнными ролями нашей версии. Вопрос остаётся вопросом. И всё же принято одно вполне определённое решение: не выдавать недостаток сведений за право закончить чужую историю.

Ключевая цитата

> *«Я ничего не определяю».*
>
> *Секст Эмпирик, «Пирроновы положения», I.197. Перевод для этой статьи по английскому переводу Mary Mills Patrick.*

Секст объясняет эту формулу как сообщение о нынешнем состоянии в исследуемом вопросе, а не как новое абсолютное положение. В I.206–208 он включает скептические формулы в область их собственного действия. Отказ от догмы не должен становиться догмой о правильности любого отказа.

Связи между традициями и способами понимания

Одна сторона	Другая сторона	Связь и граница сравнения
Пирроновское воздержание у Секста	Утверждение, что знание невозможно	Нынешняя невозможность выбрать ответ не доказывает невозможности ответа вообще.
Явление, которому скептик следует	Положение о природе вещи	Признание ощущаемого не равно окончательному объяснению того, что существует.
Пирроновское исследование	Декартовское сомнение	Декарт ищет несомненное основание; похожее начало не устанавливает общей цели.
Внимание к суждению у Секста	Стоическое рассуждение Эпиктета	Суждение существенно в обоих подходах, но основания принятия и нравственной ориентации различаются.
Проверка оснований у Секста	Критика самобытия в мадхьямаке	Можно сопоставлять работу с притязаниями утверждений; эпохе и пустота различаются содержанием и целями. Историческая преемственность здесь не установлена.
Равносилие противопоставленных оснований	Равное место для любых версий	Симметрия изложения сама не доказывает одинаковую убедительность.
Современное действие при неполном знании	Полная древняя программа скепсиса	Предложенное применение сохраняет ответственность и пересмотр; оно не тождественно всей философии Секста.

Первоисточники и исследования

1. Секст Эмпирик. «Пирроновы положения», книга I, §§1–4, 7–15, 19–35, 164–177, 196–208. Английский перевод Mary Mills Patrick в книге Sextus Empiricus and Greek Scepticism, Cambridge, 1899, Project Gutenberg, ebook 17556. Использованы соответствующие места перевода первой книги; исследовательская часть Patrick и сам перевод различаются. Не заявлено полное чтение всех сочинений Секста. Русские исторические пояснения являются пересказом; две короткие цитаты отмечены отдельно.

2. Диоген Лаэртский. «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», IX.61–62. Английский перевод R. D. Hicks, Loeb Classical Library, 1925, LacusCurtius. Связь названия с Пирроном и различающиеся свидетельства о его предусмотрительности; рассказ не выдан за независимо подтверждённый факт поведения.

3. Katja Vogt. «Ancient Skepticism», Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция от 21 сентября 2022 года, §§4.1 и 4.3. Историческая граница между Пирроном и позднейшим пирронизмом; традиционная атрибуция пяти тропов. Академическое исследование, не ещё один античный текст.

4. Benjamin Morison. «Sextus Empiricus», Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция от 12 марта 2026 года, §§1–2, 3.2 и 3.4. Датировка, сохранившиеся работы, способность противопоставления и спор о возможных убеждениях скептика. Использованы указанные разделы; различие исследовательских интерпретаций сохранено.

5. René Descartes. «Размышления о первой философии», размышления I–II. Английский текст перевода Elizabeth S. Haldane / издания Haldane–Ross, 1911, Boston University. Сомнение как путь к несомненному основанию; использованы начало первого и ключевой ход второго размышления, без обзора всей метафизики Декарта.

6. Эпиктет. «Энхиридион», §§1 и 5. Английский перевод Elizabeth Carter, Internet Classics Archive. Различение зависящего от нас и роль суждений; ограниченное сопоставление, не утверждение о тождестве стоицизма и пирронизма.

7. Jan Westerhoff. «Nāgārjuna», Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция от 31 мая 2026 года, §§1–2. Датировка, самобытие и пустота; ограниченное сопоставление по академическому исследованию, без утверждения полного чтения сочинений Нагарджуны.

8. Richard Hayes. «Madhyamaka», Stanford Encyclopedia of Philosophy, редакция от 18 августа 2023 года, §§1, 4–5. Различение двух истин и разногласия о способах аргументации внутри школы; использованы указанные разделы исследования.

Теги

Нагарджуна, мадхьямака, Пиррон, пирронизм, Секст Эмпирик, скепсис, античная философия, эпохе, воздержание от суждения, исследование, равносилие, атараксия, явление, убеждение, знание, догма, отрицание, основание, свидетельство, неопределённость, тропы, Агриппа, круг в доказательстве, относительность, Декарт, Эпиктет, действие, ответственность, пересмотр, история мысли.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины.

Instagram: @andrey.zarinsh

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами.

Instagram: @ilkutki